

Алексей
Корепанов

СТРЕЛЫ В
ПОЛЁТЕ

Обычный парень Сергей Соколов вдруг начинает видеть странные сны. Кто-то словно зовет его, словно подталкивает к чему-то. Повинуясь этому зову, Сергей пускается на поиски... и находит. Новое знание с трудом укладывается у него в голове. Неужели все это правда?... Какое отношение он имеет к далекому прошлому?!

Алексей Корепанов

Стрелы в полете

1. «Опять мне снится сон...»

Февральский вечер напал на город — с неприятным сыроватым ветерком, с назойливым полуснегом-полудождем, так и норовящим залепить глаза пешеходам, стекла автомобилей и окна домов. Пешеходы осторожно семенили по бугристым тротуарам, покрытым не сколотым еще с декабря льдом, автомобили заносило на поворотах, а в окнах домов горел свет, бросая вызов гущающейся темноте. И таких светящихся прямоугольников с каждой минутой становилось все больше и больше — люди, как обычно, с наступлением сумерек возвращались после трудов праведных в свои жилища.

Сергей Соколов тоже возвращался домой, в свой дальний микрорайон на городской окраине, возведенный на месте полей, прозрачных рощиц и пыльных проселочных дорог. Правда, день он провел не то чтобы в трудах праведных, но и не слонялся праздно по заснеженным улицам, ловя взгляды симпатичных девчонок. Он побывал в нескольких местах в поисках работы по специальности, действуя не наобум, а по

предварительной телефонной договоренности, — но ничего особенно обнадеживающего эти визиты не принесли. Беседы велись весьма неопределенные, заканчивались какими-то малообещающими многоточиями, и завтрашний день нужно было посвятить новым странствиям и визитам. Объявления приглашали на работу охранников в частные фирмы (рост от ста восьмидесяти плюс соответствующие навыки), водителей (со своими автомобилями), продавцов в коммерческие киоски (девушки до двадцати пяти лет), специалистов по компьютерам со стажем, высококвалифицированных токарей и электриков. Сергею ничего из этого списка не подходило. Или же он не подходил для таких работ.

Хоть коньяка «на шару» попил, и то хорошо...

Получилось это случайно, но ведь не всем же случайностям быть неприятными. Дело было так. Сегодняшние поиски закончились тем, что Сергей распрощался с хозяином очередного офиса в центре города и побрел к троллейбусной остановке, хмуро глядя себе под ноги. И внезапно услышал удивленно-радостный возглас:

— Сокол? Ты? Ё-мое, сколько лет!..

Он поднял голову — и не сразу узнал в преградившем ему дорогу круглолицем парне, упакованном в норково-замшево-твидовое, Валерку Мартынова — давнего школьного друга и

соратника по всяким отроческим похождениям-приключениям. Валерка раздался, обрел лоск, и весь его сияющий вид говорил о достатке и благополучии. Трудно было представить, что этот в высшей степени благообразный молодой человек десять лет назад со стоном блевал на кроссовки и поношенные джинсы, хватив вместе с дружкой Серегой водки перед дискотекой в парке. Сергею тогда тоже было не совсем хорошо, а точнее, совсем нехорошо, но он таки довел Мартына до речки. Они долго смачивали свои хмельные головы пахнувшей тиной водой, а потом лежали в темноте на камнях, отдуваясь и потихоньку приходя в себя. Давно это было, в развеселые школьные годы...

Не прошло и четверти часа с момента их неожиданной встречи у троллейбусной остановки, а они уже сидели в роскошном, но уютном кафе и поднимали за встречу стопки с коньяком, заказанным состоятельным Мартином.

Да, Валерка неплохо устроился в жизни. Он попал в удачную струю, и эта струя вынесла его в Большую Европу, где он в ранге представителя отечественной фирмы заключал контракты на закупку легковых автомобилей. Покупателей в отечестве, слава богу, хватало, а Мартын получал солидные проценты от каждой сделки и жил вполне безбедно, не тревожась о завтрашнем дне. Пища не

только на день завтрашний, но и на послезавтрашний была ему обеспечена. Он заехал в родной город из столицы, в перерыве между своими гастролями по Европе, проведать родителей («Подкинуть родокам на пропитание», — так он выразился) и немножко расслабиться, отдохнуть от холеных европ и тамошних мастеров большого бизнеса.

Повезло Мартыну, думал Сергей, попивая коньяк под лимончик и бутербродики с красной икрой и слушая путевые очерки школьного друга. Ухватил Валерка удачу за хвост, вцепился накрепко и не намерен был отпускать даже и в необозримом будущем. Было Мартыну, чем похвастаться, а вот чем же мог похвастаться он, Сергей Соколов? Чего добился он за четверть века своего земного существования?

Ну, школа, конечно же, не в счет. Школа — это обязательная для всех глава в Книге Жизни, общая взлетная полоса... или же путь к обрыву. А после школы? Поступать в вуз в тот год так и не собрался, потому что никак не мог определиться с призванием, выяснить, к чему душа лежит. А она, собственно, ни к чему особенно и не лежала. Разве что к морским странствиям — открывать неведомые земли, бродить по чужим берегам... Только где тот вуз, в котором учат на таких землепроходцев? И с неведомыми землями

напряженка. Да и полученный накануне школьного выпускного вечера удар по голове в драке после дискотеки в парке отнюдь не способствовал подготовке к вступительным экзаменам. В общем, перекантовался до армии рекламным агентом по договору в не шибко крутой фирме, ну, а потом получил повестку — и приняли его с распростертыми объятиями Вооруженные Силы. Хорошо хоть, недалеко от дома служил. Вкушая все прелести службы в пехоте, он всё чаще задумывался о дальнейшей жизни, и после дембеля поступил в университет на юридический. Спасибо маме, а еще более — дяде Паше, ее брату: платили за обучение — и он старался, дурака не валял, вгрызался в гранит науки, валял из этого гранита образ собственного светлого будущего...

А что же получилось на деле? Оказалось, что его никто нигде не ждет с цветами и шампанским, и свой кусок хлеба с маслом надо выцарапывать, вырывать из чужих рук, не слишком стесняясь в средствах... Постойте, а как же моральные принципы? А учение Сына Божьего? Да и много их было, свежеиспеченных юристов. Слишком много для не такого уж и большого, вполне провинциального города, в котором безработных хватало. Пробовал крутить дела — и в компании таких же, как и он сам, вчерашних студентов, и самостоятельно, — а вышло так, что остался у

разбитого корыта. И если бы не денежный дядя Паша из Твери...

Крепко расстроил Сергея размякший благодушный Мартын своими разговорами об удачном житье-бытье. Мартын с аппетитом хлебал коньяк, дымил дорогущими сигаретами, обещал замолвить за Сергея слово в своей конторе. Однако Сергей понимал, что все это не более чем «ля-ля», и никому он в столице не нужен — там и своих при желании найдется с избытком, с тем же юридическим образованием. И ничем-то он, Сергей, не лучше других, разве что умеет по стенам лазить — со школьных лет увлекался! — как тот странноватый профессор из отеля «У Погибшего Альпиниста». Но вряд ли в фирме Мартына может востребоваться такое несколько экстравагантное умение.

И все-таки посидели они с Валеркой хорошо. Вспомнили прелестные годы, и девчонок вспомнили, и разные совместные похождения, и еще много всякого интересного. После коньяка перешли на кофе, а потом запищал у Валерки в кармане пейджер, и Валерка, прочитав сообщение, хлопнул себя по лбу и стал прощаться. Правда, записал домашний телефон Сергея и пообещал непременно позвонить.

Выйдя из кафе, Мартын погрузился в такси. Он предложил подбросить и Сергея, но Сергей

отказался. Гораздо полезнее было пройтись по воздуху, проветриться, поскольку завтра предстоял еще один визит к потенциальному работодателю, и нужно было выглядеть бодрым, свежим и вполне респектабельным. То бишь мужем, внушающим уважение.

Они распрощались, и Сергей неторопливо направился через весь город на свою окраину, усердно вдыхая кислород, чтобы разогнать коньячный туман в голове. Пьяным он не был, но выпившим — несомненно, и длительная прогулка представлялась ему отменным средством для восстановления статус-кво.

Размышляя о везунчике Мартыне, брел он по улицам, и в сумерках добрел до своего микрорайона — россыпи серых многоэтажек. Они были расположены вкривь и вкось, без намека на хоть какую-нибудь планировку, словно проектировал застройку некто с оч-чень хорошего бодуна. Оставалось пройти вдоль длинного забора автобусного парка, пересечь дорогу и свернуть на тропинку, ведущую в дебри микрорайона. На месте тротуара тянулась здесь вырытая в незапамятные времена для каких-то надобностей канава, засыпанная снегом, и Сергею пришлось идти по обочине, все внимание сосредоточив на сохранении равновесия. Тротуар отсутствовал и по другую сторону дороги — там раскинулся обширный

заснеженный пустырь, по каким-то причинам не приглянувшийся славным градостроителям. Фонари, как всегда, не горели, светящиеся окна находились в отдалении, и единственными непостоянными источниками света на этом отрезке пути были только фары редких автомобилей. Прохожих вокруг не наблюдалось, потому что сюда, как правило, не добирались пешком, а приезжали на троллейбусах и маршрутных такси. Или на собственных авто.

Выпитый в компании Мартына коньяк еще давал о себе знать, и Сергей все-таки серьезно поскользнулся в своих «вездеходах» на толстой подошве, к сожалению, не снабженной шипами. Уже падая, он внезапно услышал за спиной быстро приближающийся шум мотора, и почти инстинктивно, не раздумывая — сказала армейская закваска! — откатился от дороги и съехал в канаву. Автомобиль обдал Сергея шквалом мокрого снега и с грозным ревом пронесся мимо, в каком-нибудь полуметре от его головы. Прибавил ходу и умчался прочь с такой прытью, словно перепутал дорогу на городской окраине с трассой гонок «Формулы 1».

Ошеломленный Сергей выбрался из канавы и посмотрел вслед лихачу. Неслись над дорогой, быстро удаляясь, две красные точки — и вот уже растворились в темноте...

В голове как-то сразу прояснилось. Сергей, машинально вытер лицо рукавом, засунул руки в карманы куртки и, забыв отряхнуться, устоял на обочину. И тут его начал бить озноб. По влажному снегу, перекрыв следы его «вездеходов», тянулась дугообразная размытая колея — след умчавшегося обезумевшего пилота «Формулы 1». Не поскользнься он на этом месте, не откатись в канаву — его бы наверняка сбили, и он все равно оказался бы в канаве, только с переломами, а то и...

Сергей передернул плечами и попятился подальше от дороги, увидев приближающуюся встречную машину. Когда легковушка проехала мимо, он присел на корточки над канавой и задумался.

Конечно, размышлял он, дорога скользкая и все такое... Кто-то куда-то страшно торопился — может, не хотел пропускать начало какого-нибудь нового телесериала, — машину занесло, чуть не сбил человека... Вот и поспешил удрать, не извинившись за доставленные переживания и первую прядь седых волос. Могло так быть? Могло... только все-таки никак не могло. Ведь он, Сергей, шел вдоль полосы *встречного* транспорта! Значит, нагнавший его автомобиль должен был выскочить на эту встречную полосу, — а дорога здесь была широкой, — и значит, тот, кто управлял им, вполне умышленно метил в спину пешеходу,

идущему по противоположной стороне. По пьяни? Из каких-то хулиганских побуждений? Дай, мол, поддам под зад этому козлу, пусть не шляется где попало... Наглотавшись «колес»? Или перепутали с кем-то — и такое бывает, и не только в кино. На лекциях в универе примеры приводили. Взяли заказ, получили аванс... Тогда спасибо, что не открыли на ходу беглый огонь из пистолета или какого-нибудь другого солидного оружия. И место выбрали удобное, безлюдное... Вот только кто мог «заказать» его, Сергея Соколова, свежеиспеченного нигде не работающего юриста? Не было у него врагов, никому он не успел насолить... разве что на третьем курсе набил морду одному гаду. Так ведь когда это было!

В общем, о мотивах этой неожиданной автомобильной атаки оставалось только гадать.

«Может, это некий знак судьбы? — подумал Сергей. — Предупреждение?»

Он поднялся, бросил последний взгляд на следы лихих колес и осторожно направился дальше, то и дело оглядываясь при звуке мотора за спиной. Хотелось верить, что второй попытки не будет.

Все еще испытывая потрясение от случившегося, он, теперь уже без приключений, проделал извилистый путь между домов и добрался до своего подъезда. Лампочка на площадке первого этажа, как всегда, не горела, лифт не работал — и

Сергей привычно устремился вверх по лестнице на свой шестой этаж. Злоумышленников в подъезде не наблюдалось, и здесь уже можно было не опасаться шальных автомобилей. Хотя кто его знает...

Даже после горячего душа и горячего чая его нет-нет да и пробирала дрожь.

«Случись что — и так бы никто меня и не хватился, — думал Сергей, с ногами забравшись в кресло перед телевизором и отрешенно глядя на экран. — Так и валялся бы среди невостребованных... до возвращения мамульки...»

Мама работала медсестрой, хотя и была по образованию химиком. Неделю назад ее отправили в отпуск, и она уехала погостить к брату Паше в Тверь. Звала с собой и сына, но сыну нужно было искать работу. Деньги-то имелись, спасибо тому же дяде Паше — не последнему человеку в тамошнем тверском бизнесе, — но нельзя же век ходить с протянутой рукой! А ведь и место предлагал дядя Паша, только не то это было место. Не лежала у Сергея душа ко всем этим коммерческим делам, отсутствовала то ли жилка необходимая, то ли хватка. Видать, наследственность досталась не та или же родители не так воспитали... Да и не занимались никогда его родители коммерцией. Мама после окончания вуза два десятка лет отпахала в НИИ химволокна, пока не уволили по сокращению штатов. Отец преподавал в

педагогическом, читал географию, защитил диссертацию по малым рекам региона... и умер девять лет назад. Сердце. Прямо в троллейбусе.

А ведь неладно что-то было уже давненько, Сергей это помнил. Помнил, как мама укоряла отца, просила лечь на обследование, а тот только слабо отмахивался, распростершись на диване,пил корвалол, улыбался бледной улыбкой и поминал Нострадамуса. Предсказал, мол, великий пророк конец света в девяносто девятом — так стоит ли дергаться, бегать по врачам? Все равно скоро все покинут этот мир, да и сам этот мир провалится в преисподнюю.

Трех лет не дожил отец до «конца света». И наступило лето девяносто девятого, и Сергей вместе с другими солдатиками, высыпавшими на плац, смотрел сквозь закопченное стеклышко на изменившийся солнечный диск — выедала его черная тень. И вспоминал отца... И если и наступил тогда конец света, и мир очутился по другую сторону, за чертой, то никто, наверное, этого и не заметил.

Так и жил он уже девять лет без отца, вдвоем с мамой. И мама как-то раз — к слову пришлось — вроде как в шутку сказала, что не прочь бы уже и внучку понянчить. Мол, когда-то мечтала о дочке, а получился сын — так хоть внучку... Он тоже ответил шуткой: жена нужна в старости, чтобы

ухаживала за немощным, а сейчас не жена нужна, а девчонки, и чем больше, тем лучше. А сам подумал: какая там жена! Он и себя-то прокормить пока не может, не то что семью...

А девчонки были. Разные. Кое-кого и домой приводил, чаевничали вместе с мамой. Но девчонки приплывали и уплывали. Или он приплывал и уплывал — это как посмотреть. Сейчас он дрейфовал в гордом одиночестве. Мачты последней встреченной им каравеллы едва виднелись на горизонте рядом с мачтами увлекшего ее за собой брига, трюмы которого были полны чужеземными зелеными бумажками — главной ценностью в океане теперешней жизни. И отец, и мама говорили, что раньше было не так. Но он, Сергей Соколов, родившийся в восьмидесятом, почти не жил в тех, других временах.

Да, много всякого было в его двадцатипятилетней жизни: и тонуть ему доводилось, и ломать ногу, и получить по затылку в той драке накануне выпускного увесистой металлической пряжкой ремня... но ни разу еще его не пытались сбить автомобилем.

Сергей тряхнул головой, отгоняя назойливые мысли, и переключил телевизор на другой канал. Там шла программа новостей. Под эти новости он и задремал, но почти тут же, вздрогнув, очнулся с колотящимся сердцем. Самым правильным,

пожалуй, было бы сейчас раздеться, открыть пошире форточку и лечь спать, а не пялиться в телевизор. Только вот спалось ему уже несколько ночей подряд не совсем спокойно. Обрывки каких-то странных снов то и дело заставляли его ворочаться с боку на бок, сбрасывать одеяло и стонать. Он просыпался от собственного стога, переворачивал мокрую от пота подушку — и вновь проваливался в пропасть, со дна которой всплывали какие-то видения. Сны при пробуждении почти мгновенно улетучивались из памяти, оставляя едва различимые следы, скорее даже, — следы следов. Они вовсе не были кошмарными или тревожными, от них не исходило никакой угрозы... Просто у него наутро возникало ощущение какой-то необычности... немотивированности... неожиданности образов, порождаемых погруженной в сон частью его сознания. Сидя по утрам в туалете, Сергей пытался сформулировать свое впечатление от этих ускользающих теней дневного бытия. И сформулировал-таки, хотя подобная формулировка была для него самого не совсем вразумительной, если не сказать больше: его ночные видения вроде бы походили на клочки воспоминаний о раннем детстве. Воспоминаний, которых не могло существовать, потому что его детство было совсем иным. И тем не менее...

В общем-то, он об этом особенно и не

размышлял — днем хватало других забот, — но стоило только вечером погасить свет и улечься на диване, как сердце начинало учащенно биться, и никак не удавалось заснуть... А потом все уплывало в темноту — и вновь и вновь низвергался словно ниоткуда водопад неуловимых, странно знакомых образов, которые никак не могли быть ему знакомы...

Так продолжалось уже пять или шесть ночей подряд.

«Может быть, тебе просто вредно спать одному? — спросил он себя. — Может быть, нужно спать с кем-то?...»

Сергей покосился на телефон, задумчиво побарабанил пальцами по подлокотникам кресла. Потом вяло мотнул головой — не до того ему было сейчас. Встал и направился на кухню глотнуть киселя — мама наварила перед отъездом целых две кастрюли!

На этот раз сердце быстро успокоилось, хотя, казалось бы, после коньяка, кофе и кувырков в канаву из-под колес механического зверя должна была наблюдаться совсем иная картина. Наверное, помог мамин кисель. Сергей подоткнул под себя одеяло, подтянул колени к животу и закрыл глаза. Не думать ни о чем — спать.

«Я расслабляюсь, я погружаюсь в теплую воду... ухожу в тишину... забываю обо всем... Мне

хорошо и спокойно... Мир прекрасен...»

Ему не снилось ничего необычного. Он просто шел по городу, даже не шел, а внезапно оказывался то на одной, то сразу же на другой улице, и постоянно чувствовал, что его кто-то зовет. Он устремлялся навстречу этому зову, расталкивая безликих прохожих, преодолевая сопротивление вязкого воздуха — и вновь одна улица неуловимо быстро сменялась другой, и зов становился все отчетливее и громче. И в то же время он знал во сне, что зов совершенно беззвучен и не слышен никому, кроме него. И вот он уже стоит у подъезда. Там, за дверью, в одной из квартир, находится тот, кто непрерывно зовет его, Сергея Соколова. Невозможно не повиноваться этому зову! Отталкиваясь ладонями от воздуха и легко взмывая над ступенями, он подплыл к массивной железной серой двери с кругляшом глазка. Это здесь, зов идет именно отсюда. Дверь медленно и бззвучно открылась. За дверью виднелась чья-то фигура.

Сергей проснулся словно от какого-то толчка. Подняв руку, провел по стене над головой, щелкнул выключателем. В комнате было довольно прохладно из-за распахнутой форточки. Часы показывали начало второго.

В отличие от предыдущих беспокойных ночей, этот сон был отчетливым и хорошо

запомнился. Прокручивая его в памяти, Сергей понял, что ему приснился существующий в действительности дом в центре города, на улице Гоголя — обыкновенная пятиэтажка из красного кирпича, растянувшаяся на целый квартал. Помнил он и номер квартиры с серой дверью, начищенные до блеска цифры над глазком — «пять» и «три». Пятьдесят три. А вот человека, открывшего дверь, он разглядеть так и не успел. Фигура была какой-то размытой, нечеткой, и что-то там было еще, какая-то странность...

Сергей лежал, глядя в потолок и припоминая детали сна, и вдруг понял, что постоянно ощущает некоторое неудобство, непонятный дискомфорт, нечто сродни зуду или слабой, но не утихающей зубной боли. Он затаил дыхание, прислушиваясь к себе, пытаясь определить источник этого дискомфорта — и осознал, что точно такое же ощущение испытывал и в только что приснившемся сне. Это был все тот же неведомый зов.

«Пора идти к невропатологу, — расстроено подумал он. — А то и к психиатру».

Он встал и, завернувшись в одеяло, подошел к окну. Захлопнул форточку и замер, глядя на небо. Плотный облачный покров исчез, словно стертый чьей-то гигантской рукой, и в небе холодным светом горели зимние звезды. А над крышей соседней многоэтажки круглым небесным глазом

висел сияющий диск полной луны. Было в этом беззвучном ночном сиянии нечто таинственное и грозное, изливалась с черных небес сила гораздо более могущественная, чем сила человеческая, и невозможно было отвести взгляд от этого мощного потока, от этого распахнутого немигающего глаза, который проникал в самые глубины души. Сергею казалось, будто чьи-то бесплотные, но цепкие пальцы уверенно и быстро роются в его голове, что-то ловко делают там, перебирают какие-то струны, настраивают на нужный лад — и неведомый зов из зуда, из ноющей зубной боли превратился в тихий звенящий звук. Этот звук нельзя было заглушить, от него нельзя было отмахнуться, он настойчиво звал к своему источнику, не оставляя места для раздумий и сомнений. Не подчиниться ему было просто невозможно, как невозможно не подчиниться желанию дышать.

«Полнолуние... — отрешенно подумал Сергей, как зачарованный глядя на торжественно сияющую пленницу земного притяжения. (Вот только кто у кого находился в плену?) — Лунный свет... Он действует, как катализатор...»

О врачах он больше не вспоминал. Он знал, что утром отправится в тот дом на улице Гоголя, в квартиру номер пятьдесят три, — и почему-то ничуть не удивлялся такому своему решению.

2. Глаза в глаза

Сергея разбудил звонок телефона. Он, не соображая, где находится, встал с дивана и пошел на звук, в прихожую, по пути наткнувшись на дверной косяк.

— Слушаю, — хрипло сказал он в трубку.

— Наташа дома? — вкрадчиво осведомился незнакомый мужской голос.

— Наверное, — буркнул он и положил трубку.

Затем вернулся в комнату и посмотрел на часы: было уже двадцать минут одиннадцатого. Он сел на диван и только сейчас окончательно пришел в себя — так крепко он не спал уже давненько. Телефон больше не звонил.

Вместе с осознанием окружающей реальности вернулась и память о прошедшей ночи. Сон не забылся, и что-то зудело внутри, в глубине, постоянно напоминая о себе, словно сигнал вызова, на который нельзя не откликнуться. Временами зуд сменялся тем самым тихим звенящим чистым звуком — внутренним звуком, — который возник ночью, когда он стоял у окна. Сейчас за окном вновь было облачно и серо, как и вчера, и сыпал снег. Но удивительное дело — Сергей явственно ощущал незримое присутствие луны, притаившейся

на обратной стороне небес и продолжавшей влиять на него, подталкивая к действиям. Он ничего не знал, ни в чем не был уверен, однако не мог отделаться от мысли, что приснившийся ему сон — не просто порождение его сознания, не отпечаток случившихся когда-то событий, не отражение его потаенных подавляемых желаний или страхов. Нет, этот сон был сродни подсказке или компасу, показывающему направление движения. И нельзя было избавиться от непрерывного зова — Сергей не сомневался в том, что звали именно его.

На секунду он все-таки предположил, что у него просто что-то неладно с головой, но тут же отверг это предположение. Уж слишком оно казалось неправдоподобным.

«Псих ведь тоже не знает, что он псих, — попытался защититься Сергей от самого себя. Но в следующий момент резко поднялся с дивана, решив: — Будь что будет — надо идти! А то действительно свихнусь...»

По-армейски быстро умывшись и побрившись, Сергей натянул джинсы и свитер, выпил чашку киселя, надел куртку и решительно вышел из квартиры. Занозой сидело в памяти вчерашнее уличное происшествие, и он призвал себя к предельной осторожности. Хотя все-таки был склонен отнести это странное событие к разряду случайностей.

Но насколько случайна любая случайность? Вот в чем вопрос...

Вспомнились рассуждения из какой-то давным-давно прочитанной книжки: можно ли десять раз подряд угодить точно в муху, стреляя по очень удаленной, почти невидимой мишени, на которой она сидит? Скорее всего, нет — так подсказывал здравый смысл. А если огонь непрерывно ведут десять тысяч стрелков, не целясь специально, а просто наобум паля в сторону мишени? В таком случае попаданий в несчастную муху может быть и не десять, а гораздо больше. Не угодил ли и он, Сергей Соколов, под такой непрерывный шквальный огонь? Если это действительно так — бесполезно искать виновника. Правда, остается открытым вопрос о причинах этой стрельбы...

Подобные размышления могли завести бог весть куда. Сергей отмахнулся от них и быстрым шагом направился к остановке, поглядывая на всякий случай на пробирающиеся между многоэтажками редкие автомобили.

Всю дорогу до центральной части города, стоя у окна на задней площадке троллейбуса, он прислушивался к себе. Вернее, к поселившемуся в нем неведомому зову. Зов не усиливался и не ослабевал, не то что во сне — там он постоянно нарастал и нарастал. И Сергей вновь засомневался в

том, что источник этого зова находится где-то извне, а не является порождением его собственной психики. Однако менять свое принятое еще ночью решение он не собирался. Он знал, что не успокоится, пока не проверит, не убедится... Да и холодный пристальный взгляд невидимой луны, взгляд, который он постоянно ощущал, не позволял ему свернуть с выбранного пути.

«Кто выбрал для меня этот путь? — подумал он, и неприятный холодок пополз по спине. — Кто мне его подсказал?...»

Оставалось надеяться, что ответ на эти вопросы найдется там, на улице Гоголя, в квартире за серой железной дверью.

И еще он вспомнил древнюю идею насчет ограниченности свободы деяний человеческих. Тому то ли греческому, то ли римскому мудрецу представлялось, что человек подобен собаке, привязанной к повозке и бегущей за ней. Главное — не сопротивляться, не бросаться в другую сторону, а неуклонно следовать за повозкой. Она знает, куда ехать, где повернуть и когда остановиться.

Сергей рассчитывал и вовсе забраться в повозку, чтобы оттуда увидеть лежащий впереди путь...

Он вышел в центре, пересек сквер, преодолел поступью канатоходца два квартала по скользкому

тротуару и оказался на улице Гоголя. Наискосок от него, на другой стороне дороги, за голыми долговязыми тополями, стоял дом из его сновидения. Сергей вновь прислушался к себе — зов звучал на одной и той же непрерывной уверенной ноте. Он перешел через дорогу и с бьющимся неровно сердцем вошел в обычный двор. Перекладины для выбивания ковров... Бельевые веревки... Мусорные контейнеры... Покосившиеся железные детские горки... Прикинув, в каком из подъездов должна находиться пятьдесят третья квартира, он направился к двери с криво выведенной белой краской цифрой «четыре». Худая рыжая кошка при его приближении испуганно метнулась с крыльца и юркнула в подвальное оконце — и во всем дворе не осталось больше никого. Это безлюдье вдруг встревожило Сергея, и он резко остановился от внезапной догадки, вспыхнувшей в голове подобно осветительной ракете: вечерний лихач и странный зов как-то связаны между собой, это звенья одной цепи! Угрожающей цепи, готовой захлестнуть его горло и задушить...

Ему стало жарко, а ноги превратились в две оплывающих на солнце свечи.

«Ловушка! Ловушка!» — торопливо застучало в мозг.

Шум вползающего во двор мусоровоза привел

его в чувство. Сергей в сердцах плюнул, выругал себя и решительно открыл заскрипевшую пружиной дверь подъезда.

В подъезде было тихо. Поднявшись на третий этаж, он сглотнул и привалился спиной к перилам. Серая железная дверь существовала не только в его сне. Вот она, эта одноглазая дверь с блестящими «пятеркой» и «тройкой». Цифры вдруг показались ему зловещими каббалистическими знаками.

Зов не умолкал.

Зачем-то осмотревшись, Сергей неуверенно подошел к двери, сделал глубокий вдох-выдох и нажал на кнопку звонка. Он не мог этого видеть, но знал, что холодный взгляд незримой луны на мгновение стал одобрительным. Потому что он поступил именно так, как и обязан был поступить.

За дверью довольно долго было тихо, и Соколов поднял руку, чтобы позвонить еще раз. Но так и не позвонил. Какое-то новое, прорезавшееся вдруг чутье подсказало ему, что его разглядывают в глазок. В тот же момент щелкнул замок — раз, и еще раз, — и дверь медленно приоткрылась. Сергея прошибла испарина, и он отступил на шаг, приготовившись к любым неожиданностям.

В дверном проеме стоял плотный высокий парень в зеленом фирменном спортивном костюме. У парня было широкое скуластое лицо с коротким мясистым носом и рыжеватой щетиной на щеках и

подбородке, крепкая шея и густые, слегка вьющиеся пегие волосы. Если к ним и прикасалась расческа, то явно не сегодня, а еще вчера вечером, перед сном. Из-под широких бровей настороженно смотрели на Сергея темные глаза. Одной рукой парень держался за невидимую Сергею внутреннюю ручку двери, а другой опирался на черную отполированную трость. Парень был похож на Иванушку из фильмов-сказок. Скользя взглядом вниз, к ногам хозяина квартиры номер пятьдесят три, Сергей понял, что вычурная трость — не какая-то причуда, и не средство самообороны, а печальная необходимость. Под пестрым женским очень недешевым платком, обмотанным вокруг неестественно большой ступни парня, явно скрывался гипс. Кажется, это и была та странность, из того сна... Парень выглядел ровесником Сергея и был ему совершенно незнаком.

— Вы ко мне? — голос у парня оказался басовитым и густым. Смотрел он за спину Сергею, на пустую лестничную площадку, и стискивал свою массивную трость с таким видом, словно собирался использовать ее именно в качестве дубинки.

Соколов смущенно пожал плечами, не зная, что ответить, — ситуация действительно складывалась преглупейшая. Не объяснять же этому травмированному, что он, Сергей, увидел его дверь во сне... Он растерянно взглянул в глаза

парню — и вдруг понял, что ничего больше не звучит в глубине его сознания. Зов умолк.

Наверное, что-то такое отразилось на его лице, потому что парень, опираясь на трость, сделал шаг назад и открыл дверь пошире.

— Заходи. — И взгляд его сделался каким-то странным.

Соколов вошел в чужую прихожую, быстро осмотрелся и понял, что живут здесь люди с достатком. Это со вкусом и размахом оборудованное просторное помещение с тремя, не считая входной, дверями с толстыми матовыми волнистыми стеклами не шло ни в какое сравнение с «предбанником» квартиры Сергея.

Сзади дважды щелкнул замок. Соколов обернулся. Небритый хозяин квартиры пристально смотрел на него, навалившись на трость и держа на весу за гипсованную ногу — утолщение угадывалось и под штаниной, доходя почти до колена. И новым своим чутьем Сергей понял, что между ними существует — несомненно, существует! — какая-то пока еще непонятная таинственная связь. Нет, не случайно, никак не случайно приснился ему этот сон!..

— Куртяк снимай, если желаешь, — предложил хозяин.

Сергей снял куртку, повесил ее на вешалку рядом с одиноким элегантным черным мужским

пальто. Глянул в большое настенное зеркало в вычурной бронзовой оправе «под старину», провел рукой по волосам. Внутри у него, чуть не лопаясь, дрожали какие-то туго натянутые струны. Он надеялся, что разговор с хозяином квартиры снимет это напряжение, и всё получит свое объяснение — ведь должно же быть какое-то объяснение...

— Пойдем, кофейку хлебнем. — Парень заковылял к ближайшей двери, открыл ее. За ней обнаружился коридор, его стены были обтянуты приглушенно-зеленой, с легкими разводами тканью. — Ты ведь, по-моему, не от этих, — последняя фраза прозвучала скорее утвердительно, чем вопросительно.

— От каких «этих»? — не понял Сергей.

Вид у него, вероятно, был настолько недоуменным, что хозяин удовлетворенно покивал и сказал:

— Вот-вот, я так и подумал. Ты явно не от них.

— Кого вы имеете в виду?

— Давай на «ты», не люблю это выканье. Я имею в виду тех, которые мне вот это сделали, — пояснил парень, кивая на загипсованную ногу. — Ты совсем по другому делу, верно?

Сергей молча кивнул.

— Ну, пошли, разберемся.

Соколов почувствовал, что невидимый

камень, удерживавший его у темного холодного дна, исчез, и можно без помех устремиться к поверхности, к воздуху и свету. Неведомые иероглифы вот-вот должны были превратиться в знакомые буквы, из которых сложатся слова, поясняющие суть происходящего.

Кухня оказалась под стать прихожей — просторной, светлой, с разными бытовыми прибабасами от западных фирм, знакомыми по ежедневным рекламным роликам. Правда, в бледно-голубой раковине лежала немытая посуда, а на разделочном столе, прямо на расписной доске для резки хлеба, красовалась большая причудливая пепельница, ассоциировавшаяся с работами Дали. В пепельнице хватало смятых окурков. И хоть форточка и была распахнута, в воздухе витал запах табака, напомнивший Сергею о тех дорогих сигаретах, которые курил вчера в кафе школьный друг Валерка Мартынов.

Соколов был усажен на низкий диван у низкого же стола. Диван дугообразно изгибался вдоль двух стен, за ним, в углу, стоял высокий, с лебединой шеей, торшер. Хозяин занялся приготовлением кофе, наотрез отказавшись от предложения Сергея оказать посильную помощь.

— Ты гость, понял? — пробасил он, усевшись на табурет перед пепельницей боком к Соколову и придвигая к себе кофеварку. — Когда я к тебе в

гости приду, — он сделал ударение на этом «я», — тоже буду сидеть и в потолок поплевывать в ожидании угощения. Таков порядок, старик, не нами придуман, не нам его и нарушать. А мне и полезно, а то торчу целый день один, в видик пялюсь — сдохнуть можно со скуки. Жена на фирме, за двоих сейчас крутится — за себя и за меня, — а я тут, как в танке. В больнице, правда, тоже тоска, да еще храпят, заразы, по ночам. Я и сам храплю, но себя-то ведь не слышишь! Вот так три дня промаялся и домой попросился — лежать-то и дома можно, согласен? Врач каждое утро приходит, перед своей работой. В семь ноль-ноль — как штык! А потом еще и днем проведывает. Сейчас за бабки врач к тебе хоть в Африку каждый день будет бегать, согласен? Хотел еще медсестру ко мне приставить, на целый день, — но это уж слишком круто будет. Я себя и сам обслужу. Хорошо бы и ее... обслужить... — парень коротко хохотнул, не прерывая процесс приготовления кофе. — Но у нас с женой насчет этого строго. Высокие договаривающиеся стороны подписали пакт о взаимном сохранении супружеской верности. В случае нарушения — расстрел на месте. — Парень глянул на Сергея и подмигнул ему. — Шучу, конечно.

— Я понял, — сказал Соколов.

— Да нет, не насчет расстрела. Насчет

«обслужить» и вообще баб. Мы с Людмилкой живем дружно, душа в душу. Это я серьезно.

Сергей, подперев кулаками подбородок, слушал болтовню хозяина, который уже вытягивал из холодильника какие-то свертки и пакеты. Парень явно оттаял, но в его полушутливом тоне все-таки чувствовался оттенок наигранности. Кажется, его тоже что-то беспокоило. Что-то, кроме загипсованной ноги и таинственных «этих». Впрочем, насчет «этих» как раз все было понятно: разборки бизнесменов. Наезд. «Крыша» слегка придавила непокорного. Это, конечно, их дела, и богатые тоже плачут, потому что проблем у них гора-аздо больше, чем у бедных...

— Ну вот, дело сделано. — Парень налил кофе в изящные чашечки. — А теперь можешь и помочь. Перетаскивай все это на стол, а я сейчас колбаски накромсаю. Сыр у меня, правда, слегка подсох — ты уж извини.

— Да я, вообще-то, завтракал... — начал было Сергей, но хозяин тут же перебил его:

— А я с полвосьмого не хавал. Кисло как-то было. Так что поддержи компанию, старик.

У Сергея тоже стало кисло на душе: второй день подряд его кормили богатенькие и удачливые. Удачливые и богатенькие. А чем же он-то хуже? Ведь такой же человек, и вроде бы не дурак.

«Это тебе только кажется, что не дурак, —

грустно усмехнулся он про себя. — Хватка не та... И завтракал ты всего лишь чашкой киселика, дорогой».

Наконец бутерброды были готовы, стол накрыт — и хозяин расположился на диване наискосок от Сергея, у другой стены.

— Кисловато как-то было, — еще раз сказал он, отхлебнул кофе и взглянул на гостя. — А теперь вот нормально. Здесь нормально. — Он постучал согнутым пальцем по виску и уточнил: — В коробочке.

У Сергея пропала последняя тень сомнения. Он пришел именно туда, куда должен был прийти.

— У меня тоже, — сказал он. — Когда вы... ты мне дверь открыл.

Парень осторожно поставил чашку на стол, отложил бутерброд. Лицо его было серьезным и чуть озадаченным.

— Пожалуй, у меня тогда же... — Он протянул Сергею руку. — Давай знакомиться. Я так и думал, что ты не зря пришел. Юрий.

Сергей пожал крепкую ладонь:

— Сергей.

— Серега, значит. А я, вообще-то, Комар. С детства так называют. Потому что фамилия у меня Комаров.

— Крупный комар, — усмехнулся Соколов. — И голос самый что ни на есть

комариный. Ну, а я постоянно был Серегой да Серым.

— Это ясно. Закон природы. Еще можно — Серж.

— На Сержа я не тяну, — вновь усмехнулся Соколов.

— А меня можешь Комаром называть.

Они кружили возле главного, словно бы не решаясь начать.

Юрий-Комар взял свою чашку, задумчиво покрутил в руках и опять поставил. Поднял голову.

— Ну, что, Серега, давай, рассказывай. Думаю, если бы не ты меня, то я бы тебя все равно нашел.

— Не знаю, с чего и начать, — неуверенно произнес Соколов. — Зыбко все как-то, непонятно, словно болото какое-то... В общем, уже с неделю, наверное, снится мне что-то такое...

Он, запинаясь и сбиваясь, рассказывал Юре о своих снах. О том, как услышал зов и проделал во сне путь к железной двери, а потом решил найти эту дверь, из-за которой кто-то беззвучно звал его, Сергея Соколова. Комар взял с подоконника пачку сигарет, закурил и внимательно слушал, пуская в потолок сизоватые струи дыма и то и дело крепко сжимая пальцами свой неказистый нос.

— Ясно, — сказал он, когда Сергей замолчал. Ткнул окурок в пепельницу и задумчиво захрустел

печеньем. — Впрочем, ни хрена не ясно. — Он поставил вазочку с печеньем перед Сергеем. — Жуй. Когда жуешь, думается лучше, это я давно заметил. Закон природы. Понимаешь, старик, мне тоже что-то такое... Только я ведь на снотворном, она же болит, подлюка, — Комар осторожно погладил себя по бедру. — Проваливаешься, как в шахту — «Мама, не бросай меня в шахту!...ахту!...ахту!...» — да? Просыпаешься, словно из-под земли выдираешься. И помнишь — что-то было, много всякого виделось, а что именно?... Но вот ты сейчас сказал, как шел сюда во сне, — и у меня словно окошко в мозгах прочистилось. Знаешь, вроде как «дворниками» по грязному стеклу — хоп! И вновь видно дорогу. И там кто-то фарами тебе мигает и еще сигналил наподобие ментовской сирены, только потише. Вернее, сигналил, пока ты ко мне не пришел. Это я просто сейчас вспомнил. — Комар отодвинул чашку и хлебницу, положил руки на стол и подался к Сергею. — Ты ведь не говорил мне, где живешь, согласен?

— Да вроде бы нет, — неуверенно ответил Соколов.

— Не «вроде бы», а точно не говорил, старик! А я вот сейчас сирену эту вспомнил — а дудело-то у меня внутри тоже уже где-то с недельку, только я все на нервы списывал... Так вот, вспомнил я эту

сирену — и картинка-то моя ночная и всплыла. За точность не ручаюсь, новостройки — они ведь везде одинаковы, согласен? — но, по-моему, виделась мне то ли Сосновка, там, за аэропортом, где новый микрорайон, то ли Южный. И, скорее, все-таки Южный. Ты ведь в Южном живешь, Серега?

— В Южном, — сдавленным голосом подтвердил Соколов.

— Та-ак... И что мы с этого имеем? — Юрий поскреб свою щетину, потом, не глядя, взял с тарелки кусок ветчины и принялся тщательно жевать, устремив взор куда-то вдаль. Прожевав, он вдумчиво сказал: — А ни хрена мы с этого не имеем. Мы, два незнакомых друг другу человека, зовем друг друга, причем делаем это совершенно бессознательно, да? — Он выжидающе посмотрел на Сергея, и тот кивнул. — То есть даже не я тебя зову, а мой мозг или там что-то еще, не знаю, и у тебя то же самое... А встретились — и понятия не имеем, зачем друг друга звали. Как тебе это, старик?

Сергей пожал плечами. Ему было досадно и как-то не по себе. Он-то думал, что при встрече все прояснится, а вышло так, что Юра знает не больше него, то есть — тоже ничего. Абсолютно ничего...

— И вообще, все это какой-то фантастикой

отдает, — продолжал Комар. — Какими-то видиками. Как наши мозги уловили друг друга? У нас там что — приемники какие-нибудь стоят? Кто же это их туда засунул? Или мы с тобой телепаты? У тебя как насчет экстрасенсорных способностей? Ну, там телепатия, ясновидение... Никогда за собой ничего такого не замечал?

Сергей честно подумал и отрицательно покачал головой:

— Нет, ничего. И в лотерее ни разу не угадывал.

— У меня тоже ничего, — задумчиво сказал Комар. — Нет, тут что-то не так! — Он хлопнул по столу ладонью и вытащил из пачки новую сигарету. — А ну-ка, давай поподробнее о себе: кто ты, что ты... А потом я. Может, найдем какие-то пересечения? Ведь неспроста же все это, согласен, старик?

— Да уж, на какую-то случайность не похоже, — подтвердил Сергей. — Меня сюда тянуло вполне определенно. Другое дело — зачем? А насчет того, кто я и что я — пожалуйста.

Он начал рассказывать о себе. Юра слушал и курил, а когда прикончил сигарету, вновь принялся хрустеть печеньем, активизируя свой мыслительный процесс.

— Понятно, старик, — произнес он, когда Сергей замолчал. — Значит, работу ищешь... Взял

бы я тебя к себе, только мне юристы не нужны — не тот профиль.

— Да я и не набиваюсь, — мрачно заметил Сергей и принялся намазывать на хлеб печеночный паштет — толстым-толстым слоем.

— Ладно, — сказал Комар. — Слушай теперь мою автобиографию. Родился в восьмидесятом и пошел в детский сад — в пятнадцатый, у ремзавода, знаешь? А оттуда напрямиком в школу потопал, в четвертую, у парка Пушкина...

Чем дальше Сергей слушал Комара, тем больше убеждался, что пути их нигде раньше не пересекались: жили они в разных районах, и в школы ходили разные, и учились потом в разных вузах... Единственное, что было у них общего — это год рождения. Последние два года Юрий возглавлял частное предприятие, — и, судя по всему, на хлеб с маслом ему вполне хватало. И с паштетом тоже.

Но все эти сведения не давали ответов на вопросы: почему он подсознательно или бессознательно звал Сергея? Почему слышал такой же зов Сергея? Почему вообще с ними обоими происходило что-то непонятное?...

— В общем, в огороде бузина, — подытожил Юра, когда Сергей сказал, что не видит ни одной точки соприкосновения. — Может быть, какая-то информация содержится в наших снах, а, старик?

Тех, что мы с тобой никак вспомнить не можем. А если под гипноз пойти? Под гипнозом все, что хочешь, вспоминается. Даже прошлые жизни.

— Гипноз... — протянул Сергей. — Гипноз... Я когда-то занимался этим, еще в школе. Книжки разные... Техника самогипноза, аутотренинг и всякое такое... Сосредоточьте взгляд на блестящем металлическом шарике... Сосредоточьте взгляд...

Что-то билось внутри, толкалось в преграждавшую выход дверь, и дверь поддавалась этим усилиям. Потому что вовсе не была заперта и только и ждала, когда же ее догадаются открыть.

— Посмотри мне в глаза, — сказал он Юре, подавшись вперед и крепко зажав ладони между коленей.

Комар медленно откинулся на спинку дивана и пробормотал:

— Ну, конечно... Рано или поздно, но мы бы сообразили. Ты совершенно прав, Серега... Именно!

Его темные глаза превратились в два тоннеля, ведущих куда-то в неведомую глубину. Сергей сидел, упираясь коленями в низкий стол, застыв в каком-то оцепенении. И в то же время летел вперед по этим тоннелям — по двум сразу! — и чувствовал, как и в его сознание вторгается что-то, истекающее из глубины тоннелей. Неведомо как, когда и где он обнаружил, что нечто, которое,

кажется, и было им, Сергеем Соколовым, словно парит над двумя параллельными потоками, скользящими навстречу друг другу. Один поток казался ему бледновато-красным, почти розовым — и этот поток был как-то связан с ним, Сергеем Соколовым. Другой, встречный поток (поток неведомо какой субстанции, — но только не воды, и не огня, и не воздуха...) представлялся зеленоватым, слабо светящимся — и принадлежал, несомненно, его визави, Юре-Комару. В какой-то неуловимый миг оба потока слились воедино, словно бы даже с каким-то подобием короткого мелодичного звука — и исчезли. Их сменило мелькание ярких, удивительно зримых картин — не картин даже, а кусочков забытой реальности, совершенно живой, с красками, запахами и звуками. И пришло отчетливое ощущение собственного присутствия в этой реальности.

Картины были обрывочными, но отнюдь не казались обрывками сновидений — они, несомненно, представляли собой частицы яви, когда-то и навсегда отпечатавшиеся в памяти. Они всего лишь забылись, как забывается очень и очень многое, но никуда не исчезли. Просто лежали в почти необъятном хранилище, заваленные грудой других, более поздних впечатлений...

...Шуршащая белая ткань, очень много шуршащей белой ткани... Где-то в вышине,

далеко-далеко — необъятный белый свод, расчерченный ровными золотистыми линиями.

Нет, это уже нынешний Сергей, сидящий на диване, знал, что видит и осязает именно ткань, что над ним — белый с золотом потолок. Тот, давний Сергей, еще не умел давать названия вещам и явлениям окружающего мира, еще не мог определить, что именно видит, слышит и ощущает...

Красивое женское лицо... Голубые глаза, гладко зачесанные светлые волосы... Ласковый голос... Золотая застежка на плече... Песня, тихая нежная песня, и все покачивается вокруг, теряет очертания, растворяется... «А-а-а... А-а-а...» — поет милая, родная, единственная... Мама?...

Где-то неподалеку играет... флейта?...

Он плывет сквозь теплую пустоту, кто-то бережно несет его — и выносит на свет, под небо и солнце. Синева, зелень, белые пятна... Теперь, здесь, Сергей понимал: он видит то, что представлялось ему когда-то хаосом разноцветных красок без форм и названия. Белые пятна — здания, окруженные деревьями, они спускаются к широкой желтой полосе песка. За ней колышется распростершееся до горизонта море... Берег перечеркивает длинная стена, сложенная из красных, черных и белых камней. Она уходит вдаль, вздымаясь выше самых высоких деревьев...

И вновь — белый с золотом потолок, привычный потолок, привычные линии. И нежная песня, от которой веет покоем, и сами собой закрываются глаза...

Над ним — все то же женское лицо, милое знакомое лицо. И ласковый голос все говорит и говорит что-то...

Красивые бронзовые колокольчики на полке перед большим бронзовым зеркалом... Россыпь маленьких золотых безделушек на низком столе... Высокая треногая ваза... На ее выпуклом гладком розовом боку изображены два удивительных человека: один — с птичьей головой, а другой — с кошачьей...

Красные, желтые, зеленые шарики, нанизанные на веревочку — близко-близко. Если бить по ним руками, шарики начинают весело трещать. Погремушка...

Картины торопились, насакивали одна на другую, картины все убыстрялись и убыстрялись, словно боясь, что тот, кому они являлись, вот-вот отмахнется от них.

А потом вдруг все смешалось, исчезло, и навалилась темнота, бесплотная и в то же время странно осязаемая темнота. И в этой темноте зазвучал чей-то голос. Голос что-то говорил и говорил, словно забивал невидимые гвозди, и голова просто раскалывалась от

непрекращающегося грохота, похожего на барабанную дробь... Смысл слов ускользал, но слова все возвращались и возвращались, тяжелыми плитами ложились на дно. И было понятно, что от них никуда не деться, и они никуда не денутся — и так и будут лежать под заносами пепла времени. До поры.

Ничего уже нельзя было разобрать в стократных отголосках, что металось по бесконечным переходам бесконечного лабиринта, дробя и умножая самих себя. И каждый отголосок был еще одним острым гвоздем, впивавшимся в мозг...

И вдруг грохот прекратился — и растеклась, расплзлась тишина, заполнив все углы и закоулки, и пришло понимание, и все остальное сразу стало мелким и несущественным.

Поднялись тяжелые плиты, и взметнулся с них пепел времени, и черной тучей окутал весь лабиринт. Тьма достигла пределов беспредельного мира, мгновенно скомкала и уничтожила его. Мигнул огонек — и погас...

3. Из рода Посейдона

От пронзительного запаха, ворвавшегося в ноздри, невыносимо заломило в висках. Сергей дернул головой, ударился затылком обо что-то

твердое, закашлялся и открыл глаза. Смахнув слезы, он увидел сидящего рядом Комара с пузырьком в руке.

— Слава богу! — пробасил Комар. — Нашатырь — великое дело, да?

— Да уж, — механически кивнул Сергей.

Некоторое время он приходил в себя. Молча сидел, потирая затылок, и смотрел на вновь перебравшегося на свое место Юру. Юра тоже молчал, и вид у него был такой, словно он только что общался с инопланетянами.

Потом Юра поставил пузырек на стол, в упор взглянул на Сергея ошалелыми глазами и тихо сказал:

— Аттала...

Сердце у Сергея на мгновение замерло, а потом заколотилось часто и неровно.

— ...дита... — закончил он. — Атталадита.

Нет, они не сошли с ума, не отравились кофе или печеньем, не надышались газа. Посреди океана лежал окольцованный горами цветущий остров Атталадита, и они были оттуда родом.

«Этого не может быть, — сказал себе Сергей. — Этого не может быть, потому что я родился здесь, а не там. В роддоме на улице Короленко. Я не мог родиться там. Возможно, это действительно какая-нибудь память предков...»

— Атталадита... — пробормотал Комар. —